

47. ПРЕКРАСНЫЕ МЕСТА

Случай на таможне. Семья уезжала из Беларуси за границу на постоянное жительство. Намучившись с оформлением документов, распродав имущество, взяв с собой самое необходимое и упаковав оное в сумки, экономические эмигранты, папа, мама, дочка и сын, прибыли поездом в Брест, где родина в лице таможенника развеяла последние сомнения в избранном пути на запад. Должностное лицо в синей фуражке обнаружило непорядок в багаже. Чайный сервиз показался ему художественной ценностью, не оформленной как надо. Также не сошлось количество столовых серебрянных предметов и ювелирных изделий, заявленных в декларации. Завязался конфликт.

До отхода поезда оставалось десять минут. "Что будем делать?" — с прозрачным намеком спросил таможенник главу выезжающей семьи, но тот в смысле взятки оказался либо недогадливым, либо принципиальным, либо скупым. "Сходите с поезда! — приказал таможенник. — Будем разбираться. — Багаж — на перрон!" Тут эмигрант и проявил себя. На перрон полетели сумки с вещами. Бросали папа, мама, дочка и сын. Бросали и приговаривали: "Берите! Жрите!" Плакали и кричали: "Будь проклята эта страна!" Прощались с родиной, желая из последних человеческих сил: "Пусть провалится это место на земле!"

И они уехали навсегда, ибо на проклятое место не возвращаются.

Этот случай вертелся у меня в голове, когда я шел на встречу с человеком, который в 1930 году тоже уезжал через Брест, покидая родину навсегда, но вернулся через 66 лет и назвал свою родину ПРЕКРАСНОЙ. Мне было важно понять, почему он изменил мнение.

В 1930 году Андрею Прокопчуку было 18 лет. Он только что принял крещение, стал баптистом, как отец и мать и трое братьев. Они жили в Польше, то есть в Западной Белоруссии, а еще точнее — в Беловежской пуще. "Мой отец и другие шесть семейств задумали переехать на постоянное место жительства в другую страну. Прийти к такому решению заставила нужда. Все эти семьи не имели достаточно пахотной земли, чтобы разделить ее между своими сыновьями. В то время свободно можно было переехать в Канаду, Аргентину, Парагвай, Уругвай и Бразилию. Семь семейств поехали в Парагвай заниматься земледелием. Закупили все необходимое: возы, пилы, лопаты, плуги, бороны..." Так вспоминает Прокопчук в автобиографической книге "По прекрасным местам" (Брест, 1999 г.).

Раскорчевав и засеяв парагвайские джунгли, эмигранты-белорусы быстро встали на ноги. "И хотя мы тяжело работали от рассвета до темна, мы были очень довольными, особенно довольны за свободу. Никакой полицейский к нам не приходил, никто не составлял на нас протоколы, как это было в Польше."

Кроме работы, они молились. Сначала молились под открытым небом, а потом — под крышей шалаша без стен. Еще не имея жилых домов, баптисты построили молитвенный дом. "Эмигранты приезжали большими партиями. Мы старались со всеми ими познакомиться и посоветовать им, как устраивать жизнь в Парагвае... Верующих ободряли, молились с ними, а неверующим проповедовали Евангелие."

Молодого усердного проповедника Андрея Прокопчука община евангельских христиан-баптистов направила учиться. Получив богословский и несколько светских дипломов, он преподавал в Библейском институте, служил в миссионерских и благотворительных центрах в Парагвае, Уругвае, Аргентине, США. В 1992 году, в семидесятилетнем возрасте, вышел на пенсию (в Калифорнии).

В 1996 году Прокопчук первый раз посетил Беларусь. С тех пор приезжает ежегодно на два-три месяца, проповедует в баптистских церквях, привозит крупные суммы долларов, собранных американскими братьями и сестрами во Христе. Белорусские таможенники не верят, что у старика столько наличности в кармане, и требуют показать. Он показывает, они удивляются, но не пересчитывают. Деньги в Беларуси Прокопчук тратит на покупку домов, которые баптисты приспособливают под храмы. Как правило, он заботится о том, чтобы новые храмы появились в деревнях, где жизнь особенно тяжела и беспросветна.

Всю жизнь Андрей Яковлевич ведет дневник, его книга точная, живописная. Несмотря на почтенный возраст его память цепкая, реакция быстрая. Его проповеди базируются на жизненных ситуациях, пересыпаны тонким юмором. Он умеет (и не опасается) пошутить даже над ангелом. Над Богом, естественно, не шутят. Владея испанским, Прокопчук ничуть не забыл русский, английский — не одолел. Я спросил:

— С 1974 года вы живете в США. Чувствуете себя американцем?

— Нет. Но американцам от всей души благодарен, что приняли меня, что содержат. Я не достоин ихнего содержания, не выработал его. Мне платят такую пенсию, что хватает на дорогу в Беларусь. Настоящие американцы — мои внуки. Они идут американским путем.

— У нас, в Беларуси, как и в России, никак не исчезнут антизападные и антиамериканские настроения. Их, как плесень, выращивают многие политики, публицисты. Этой плесенью они питаются, воняют. Запад, по их представлениям, подавляет в человеке человеческое, развивает звериное. Вы это заметили там? Не боитесь за внуков, идущих американским путем?

— В Америке есть все — и мерзость, и высокий дух. Люди понаехали со всего света, привезли с собой свои привычки. Государство не вмешивается в их взаимоотношения. Полная свобода. Гармонизирует американское общество Бог, дух. Америка в корне против мерзости. Запугивание западом — грязная политика. Так хочу сказать.

— Вы хотите сказать, что Божественного влияния в западном обществе больше, чем, к примеру, в Беларуси?

— В общем итоге на западе люди религиозные. Хотя у многих вера в Бога не сердечная, а головная. Только умом считают, что Бог есть. Религиозная жизнь в Америке сейчас холодная. Я еще застал веру сердечную, когда молитва вызывала слезы радости. А сейчас религия там стала деловая. Но это все равно лучше, чем никакая. В Америке много христианских проповедников, которые понимают опасность формальной веры. Это сильные люди. Они спасают Америку. День и ночь проповедуют Евангелие. В любом конце страны, в самом дальнем мотеле, по телевидению можно услышать проповедь. Роль пастора в Америке большая.

— Государство это понимает?

— Да. Потому не вмешивается в религиозную жизнь. Дает свободу слову и делу Божию.

— Помогает ли церквям материально?

— Помогло бы охотно, да верующие от государства ничего не берут. На духовную работу нужно употреблять чистые деньги, а казна складывается из разных источников, в том числе — от атеистов, от дьявола. Баптисты на свою деятельность не берут у государства ни цента.

— Северная и Южная Америки религиозны в одинаковой степени?

— Южная Америка — католическая. Там несмышленного младенца крестили — и он называется верующим. На самом деле он ничего не знает о Христе, не понимает себя в вере. Это безалаберная религиозность. Хорошо, что в Южной Америке католические священники не противодействуют баптистам так яростно и бессовестно, как православные священники противодействуют в России, в Беларуси. Как проповеднику и миссионеру,

мне было приятно работать в Южной Америке, я видел плоды своего духовного труда, потому те земные места считаю прекрасными.

— Религиозность народа как-то отражается на его успехах в социальной и экономической жизни?

— Обязательно отражается. Дух дисциплинирует человека в мирских делах. Истинные христиане создают жизнь, материально более устойчивую, изобильную.

— Что для вас как проповедника, преподавателя богословских дисциплин важнее — развивать массовую религиозность или укреплять индивидуальные взаимоотношения Бога и человека?

— Важно и то и другое. Каждый человек должен навести в своей душе порядок с Богом. Это — начало. Потом необходимо, чтобы верующий объединился с таким же человеком. Вместе они станут сильнее, поддерживая друг на друга, будут активнее распространять Учение.

— А не станут ли играть друг перед другом? Мне приходилось видеть, как верующий человек на публике превращается в актера. Вера перестает быть интимной частью жизни человека, а превращается в средство достижения материальных благ?

— Такая опасность существует. Мы замечаем у некоторых верующих актерство, ослабление духа. Призываем их к покаянию.

— Запад пропагандирует свободу личности, предоставляет человеку возможность выразить свою индивидуальность в светской сфере. И одновременно запад дает неограниченную свободу Богу удерживать личность в жестких рамках, нивелировать людей, усреднять их духовные искания. Такое противоречие там ощутимо?

— Истинное христианство — религия индивидуальности. Каждый человек верует самостоятельно, а не за компанию. Бог не стремится сделать всех одинаковыми, навязать шаблоны, заставить бездумно их исполнять. Баптисты не имеют единого обряда. Каждая церковь по-своему прославляет Бога. Никто не диктует. Верующий остается самим собой, имеет возможность сполна проявить свою индивидуальность в миру. Оттого западный мир процветает.

— Характер человека влияет на выбор им конфессии?

— Влияет. В рамках Своего водительства Бог не перестраивает наш характер, а употребляет тот, что сложился. И человек находит собственный путь к Богу.

— Андрей Яковлевич, вы знаете себя, свой характер. Изучили, приняли как собственные доктрины протестантизма. Скажите, протестантизм в вере связан с протестными настроениями верующего человека в обыденной жизни?

— Да. Баптисты — более социально активные люди, чем небаптисты. Мы поддерживаем друг друга в жизни, а это — уже протест против обстоятельств.

О том, как через веру конкретно проявляется характер верующего, я спрашивать Андрея Яковлевича не стал. Это было бы неэтично, как если бы расспрашивать у любящей пары подробности их любви. В своей книге Прокопчук сам наблюдает над собой. Прочитую два отрывка. Может быть, они помогут читателю понять, что он не случайно стал верующим-протестантом.

Автосвидетельство первое: "Мы пережили революцию в Аргентине, когда диктатор Иван Перон был вынужден бежать в Парагвай. Был дан приказ, чтобы в такие-то часы никто в городе не выходил на улицу, а если солдаты кого увидят на улице в запрещенные часы, будут в него стрелять. Мне почему-то захотелось выйти на улицу в запрещенные часы. Не знаю откуда, но появилась машина с солдатами, и я с другим таким же смельчаком спрятался в углублении дверей одного дома у тротуара. Солдаты стреляли залпом, пули свистели вдоль улицы и около наших ног..."

Автосвидетельство второе: "В Канаде в большинстве своем дороги узкие и движение на них в две стороны. Мы едем по такой дороге, и мне почему-то захотелось ехать противоположной стороной. Вдали показывается огромный грузовик, и он быстро приближается к нам, а я не съезжаю на мою сторону. Моя жена закричала: "Андрей, что ты делаешь, съезжай на свою сторону." И я еле-еле успел съехать, как грузовик промчался мимо нас. Я съехал на обочину дороги, остановил машину, и мы сердечно благодарили Бога за сохранение нашей жизни. Я очень осуждал себя, почему я такой неосторожный..."

— Андрей Яковлевич, что бросилось вам в глаза в современных белорусах — протест, покорность, равнодушие?

— У них всего понемногу. Все — невыразительно. Беларусь — расстроенное общество. Его расстроила атеистическая система.

— Почему вы так долго не приезжали на родину?

— Не чувствовал душевного порыва. Мне было хорошо там, где жил, где видел свои плоды. Первый раз, в 1996 году, посетить Беларусь меня почти заставили руководящие братья в Америке. Принесли билет: поезжай в Беларусь, она нуждается в духовной поддержке. Как было отказаться? Начал готовиться к поездке. И заметил, что мои руки стали трястись. От волнения.

Волновался, когда звонил в белорусское посольство. Я же не знаю белорусского языка, не смогу объясниться. Звоню, а мне отвечают по-русски. Как я обрадовался, что со вторым секретарем посольства не надо говорить по-белорусски!

— Какими показались вам родные места?

— В крайнем запустении. И Беловежская пуца, и моя деревня. Будто их покинула цивилизация. Если бы я не уехал, я пропал бы так, как пропали здесь мои друзья. Эмиграция — это побуждение Бога к моим родителям. Я благодарен, что они увезли меня отсюда.

— Тем не менее вы ежегодно возвращаетесь сюда. Неужели запущенная Беларусь стала для вас прекрасным местом, как Парагвай, Уругвай, Аргентина, США?

— В песне Давида говорится: "Межи мои прошли по прекрасным местам, и наследие мое приятно для меня." Беларусь сделалась для меня прекрасным местом потому, что я стал участвовать в ее возрождении. Я вкладываю в Беларусь свою душу. Теперь я вижу здесь свои следы.

С Андреем Яковлевичем мы, как я уже говорил, из одного леса. Он родился в Беловежской пуце, я — в Кобринской пуце. Наши леса когда-то соединялись в районе Пружан. Его пуца еще кое-как сохранилась, а моей уже нет, вырублена. Из наших общих речек течет лишь Мухавец, остальные — уничтожены. Об этом мы поговорили с тоской. О том же после нашей встречи мне приснился цветной сон.

Я иду по густой зеленой траве, она растет узкой петляющей полосой. Я знаю, что здесь была река Винец, река моего детства, она вытекала из Беловежской пуцы, в шестидесятых ее уничтожили "мелиораторы". Я знаю во сне, что насовсем река не исчезает. Я читал, что в земле остается древнее речное русло. Если воде позволить, она обязательно вспомнит, где была река, — и река возродится. Сон показывает, как по руслу реки возрождается трава. Мне жалко ее топтать, хочется заровнять свои следы. И в этой траве я вижу чудо: три золотистых карася. Они с трудом продвигаются в попутном мне направлении, неуклюже загребая плавниками и хвостами. В детстве я ловил таких карасей в Винце, в многочисленных озерцах и ручьях. С тех пор во мне сидит жадность рыбака. Заберу-ка я этих карасей, занесу домой, пусть мама зажарит на ужин. Положил их в сумку на молнии, забросил за спину. Иду по зеленой реке и слышу, как в сумке начинается шевеление, птичье щебетание. Открываю. Вижу, что у карасей, пока я их нес, короткие плавники трансформировались в длинные оперенные крылья цвета золота. Не удивляюсь. Беру одного карася. Сажая его на ладонь — он взлетает в

синее небо, летит над черным океаном, и я во сне знаю, что океан называется Атлантическим. Затем запускаю в небо второго и третьего карася. И просыпаюсь, счастливый от содеянного в этом прекрасном сне.

Сны вещают не о том, что с нами будет, а образно показывают то, что с нами реально происходит. Мне кажется, Андрей Прокопчук, приезжая в Беларусь, живет во сне. Мы не прощаемся с ним во сне, мы еще встретимся наяву.

2000

www.kamunikat.org